ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУХОВНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ: ОБРАЗЫ АННЫ КАРЕНИНОЙ И ЭММЫ БОВАРИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аманова Айсултан Абдиразаковна [1], **Мирбаева Жансая Асылбековна** [2]
[1] к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы Каракалпакского государственного университета имени Бердаха,
[2] магистрантка 2 курса направления «Литературоведение: русская литература» Каракалпакского государственного университета имени Бердаха

Аннотация. *В статье рассматривается художественное воплощение духовного кризиса Анны Карениной в одноимённом романе Л. Н. Толстого и Эммы Бовари в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари». Сопоставление строится на выявлении типологически сходных механизмов кризиса: разрыва между желаемой и действительной жизнью, зависимости самоощущения от любовных отношений, столкновения личного стремления к счастью с социальными нормами и постепенного сужения жизненной перспективы. Особое внимание уделяется различиям в повествовательной организации: Толстой показывает внутреннее движение сознания Анны в связи с нравственным самоанализом, тогда как Флобер раскрывает Эмму через иронию, предметную деталь и несобственно-прямую речь. Доказывается, что трагические финалы подготовлены совокупностью психологических, социальных и композиционных факторов.*

Ключевые слова: *Л. Н. Толстой, Г. Флобер, «Анна Каренина», «Госпожа Бовари», духовный кризис, психологизм, сравнительно-типологический анализ, женский образ, авторская позиция.*

Abstract. *This article examines the artistic representation of the spiritual crisis of Anna Karenina in Leo Tolstoy’s novel of the same name and Emma Bovary in Gustave Flaubert’s Madame Bovary. The comparison focuses on identifying typologically similar mechanisms of crisis: the gap between desired and actual life, the dependence of self-perception on romantic relationships, the conflict between the personal pursuit of happiness and social norms, and the gradual narrowing of life prospects. Particular attention is paid to differences in narrative structure: Tolstoy portrays the inner development of Anna’s consciousness in connection with moral self-examination, whereas Flaubert depicts Emma through irony, material detail, and free indirect discourse. The article demonstrates that the tragic endings are foreshadowed by a combination of psychological, social, and compositional factors.*

Keywords: *Leo Tolstoy, Gustave Flaubert, Anna Karenina, Madame Bovary, spiritual crisis, psychological realism, comparative-typological analysis, female character, authorial stance.*

Введение

Духовный кризис личности – одна из значимых проблем европейского реалистического романа XIX века. В литературе этого периода внутренний конфликт героя раскрывается не как отвлечённая борьба добра и зла, а как сложное взаимодействие

индивидуальных желаний, социальных ожиданий, нравственных представлений и обстоятельств повседневной жизни. Человек оказывается перед необходимостью выбора и перед вопросом о том, как понимать собственную свободу, где проходят границы личного счастья и возможно ли сохранить внутреннюю целостность в ситуации глубокого противоречия.

Романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Г. Флобера «Госпожа Бовари» дают плодотворный материал для сопоставления этой проблемы. Анна и Эмма принадлежат к разным национальным и культурным контекстам, а художественные системы писателей существенно различаются. Вместе с тем обе героини переживают неудовлетворённость существующим порядком жизни, стремятся преодолеть разрыв между реальностью и желаемым идеалом и постепенно оказываются в ситуации, когда прежние способы самоопределения перестают работать.

Сравнение этих образов не должно сводиться к формуле «две несчастные женщины, погубленные любовью». Такая трактовка нивелирует индивидуальность героинь. Анна осознаёт нравственную и семейную сложность своего положения, испытывает мучительную раздвоенность между любовью к Вронскому, привязанностью к сыну, чувством вины и зависимостью от отношения общества. Эмма формирует представление о счастье под влиянием литературных клише и романтических ожиданий; её кризис развивается в столкновении воображаемой жизни с провинциальной действительностью и материальными последствиями собственных решений.

Цель статьи – выявить сходство и различие в художественном воплощении духовного кризиса Анны Карениной и Эммы Бовари. Задачи исследования: определить основные источники внутреннего конфликта героинь; проследить роль любви, социальных норм и разрыва между мечтой и действительностью; сопоставить способы психологического изображения; проанализировать значение финалов в раскрытии авторской концепции личности.

Теоретическая база исследования включает труды Б. М. Эйхенбаума о психологизме Л. Н. Толстого и работы Б. Г. Реизова о творчестве Г. Флобера. Сопоставительный аспект представлен исследованиями О. Науменко и В. О. Ершова, а также Д. Р. Кадымовой и Э.О.Ибрагимовой, посвящёнными женским образам в романах «Анна Каренина» и «Госпожа Бовари». Эти работы послужили основой для сравнительного анализа духовного кризиса главных героинь и способов его художественного воплощения.

Материалы и методы

Материалом исследования стали романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Г.Флобера «Госпожа Бовари». Основное внимание уделяется эпизодам, в которых героини осмысляют собственное положение, переживают обострение внутреннего конфликта или пытаются представить возможное будущее.

Методологическую основу составляют сравнительно-типологический, историко-литературный и структурно-поэтический методы.

Сравнительно-типологический анализ позволяет сопоставить сходные художественные явления без предположения о прямом влиянии одного автора на другого. Историко-литературный подход учитывает социальные и культурные условия, в которых разворачиваются судьбы персонажей. Структурно-поэтический метод направлен на

изучение того, как смысл создаётся посредством композиции, речевых форм, повторяющихся мотивов и деталей.

Понятие «духовный кризис» используется как аналитическая категория, обозначающая состояние внутренней дезориентации, при котором прежние ценностные опоры перестают обеспечивать личности устойчивое понимание себя и будущего. Оно не тождественно клиническому диагнозу и не предполагает сведения персонажа к психологической схеме. В художественном произведении кризис раскрывается через систему образов и повествовательных решений, поэтому его анализ требует внимания не только к событиям сюжета, но и к форме их изображения.

Результаты

1. Разрыв между идеалом и действительностью

В обоих романах кризис начинается задолго до трагической развязки. Он складывается постепенно, когда действительная жизнь перестаёт соответствовать представлению героини о том, какой она должна быть. Однако характер этого разрыва неодинаков. Анна не просто ищет более ярких впечатлений: чувство к Вронскому становится событием, которое меняет её представление о себе, о браке, материнстве и праве на личное счастье. Эмма же склонна воспринимать жизнь сквозь готовые литературные модели, а повседневность – как неудачную версию заранее воображённого идеала.

В «Госпоже Бовари» неудовлетворённость Эммы укоренена в раннем опыте чтения и в выработанном под его влиянием языке желаний. Она ожидает от любви исключительности, эмоционального подъёма и почти непрерывного ощущения возвышенности. Реальная семейная жизнь с Шарлем не подтверждает этих ожиданий. Повествование передаёт отчуждение через контраст между обыденностью окружающего мира и масштабом мечтаний, которые героиня пытается на него наложить. Эмма не столько формулирует собственную жизненную программу, сколько воспроизводит знакомые культурные сценарии.

В романе звучит реплика: *«Какая скука – вечно быть прикованным к одному месту!»* [7, с. 50]. Хотя слова произносит не сама Эмма, они формируют смысловой фон произведения: неудовлетворённость выражается через ощущение замкнутого пространства и невозможности перемены. Эмма внутренне усваивает подобную модель восприятия, но не располагает ни ясным способом изменить жизнь, ни устойчивой системой ценностей, которая помогла бы осмыслить разочарование. Влияние литературы на формирование её ожиданий обозначено предельно ясно: *«у Бальзака и Жорж Санд искала воображаемого утоления своих страстей»* [7, с. 40]. Чтение здесь выступает не только досугом, но и способом конструирования желаемой реальности.

Толстой изображает кризис Анны как более острое столкновение между эмоциональным опытом и социально-нравственным порядком. В начале романа героиня не представлена человеком, изначально обречённым на трагедию. Напротив, её способность устанавливать контакт с людьми, наблюдательность и эмоциональная отзывчивость подчёркивают жизненную полноту образа. Встреча с Вронским заставляет её иначе увидеть прежние отношения и саму себя. Личное переживание вступает в конфликт с ролями, которые общество предписывает замужней женщине. Анна осознаёт противоречивость своего положения. В разговоре с Долли она признаётся: *«Я не стою презрения. Я именно несчастна»* [6, с. 694]. Эта фраза не отменяет ответственности

героини за поступки, но меняет ракурс оценки: Анна просит не оправдать её автоматически, а увидеть внутреннее страдание, которое не исчерпывается внешним нарушением общественной нормы.

Типологическая общность героинь заключается в переживании несоответствия между внутренним стремлением и доступными формами жизни. Но у Эммы это несоответствие преимущественно питается романтизированным воображением, тогда как у Анны оно становится трагическим конфликтом между личным чувством, материнской привязанностью, нравственным самосознанием и общественным осуждением.

2. Любовь, зависимость и утрата внутренней опоры

Любовная линия в обоих романах служит пространством кризиса, но писатели раскрывают её по-разному. Для Эммы любовь становится обещанием иной жизни. Она ожидает, что чувство само по себе преодолеет скуку, социальную ограниченность и внутреннюю пустоту. Когда увлечение теряет новизну, героиня переживает не только разочарование в конкретном мужчине, но и крушение модели счастья, которую связывала с любовью.

Эмма стремится к переживанию, которое должно окончательно изменить существование, но новое увлечение постепенно превращается в очередной источник неудовлетворённости. Любовь не становится устойчивой формой взаимного узнавания; она оказывается средством преодолеть скуку и подтвердить воображаемую исключительность. В этом заключается одна из причин внутренней нестабильности героини: ожидание счастья растёт, тогда как способность выдерживать несовершенство реальной жизни не развивается. В другой сцене её мечта определяется готовым культурным образцом: *«она жаждала той любви, о которой пишут в романах»* [7, с. 154]. Эта формула показывает, что героиня стремится не столько понять конкретного человека, сколько пережить чувство, заранее описанное литературой.

У Толстого чувство Анны к Вронскому не представлено простой иллюзией. Оно обладает подлинной эмоциональной силой, но эта сила не гарантирует целостности. Чем большее значение приобретает любовь, тем сильнее Анна зависит от поведения Вронского, его интонаций и малейших изменений в их отношениях. Любовь, первоначально переживаемая как освобождение от безжизненного брака, постепенно становится новой формой зависимости. Анна сделала выбор, но не получила возможности спокойно существовать в последствиях этого выбора.

В одном из эпизодов она формулирует состояние предельного напряжения: *«Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть»* [6, с. 464]. Метафора передаёт не только интенсивность эмоций, но и утрату внутренней устойчивости. Струна ещё звучит, однако уже не способна выдерживать дальнейшее натяжение. Будущее выражено как почти неизбежное событие, а не как пространство свободного выбора. Гибель Анны также нельзя объяснить одним событием или одной чертой характера. Она становится результатом нарастающего отчуждения, зависимости от Вронского, социальной изоляции, конфликта между любовью и материнством и утраты способности представить будущее иначе, чем в категориях страдания. Анна настойчиво анализирует своё положение, однако анализ перестаёт открывать новые перспективы и всё чаще возвращает её к ощущению тупика. В моменты колебания она пытается вернуть себе самостоятельность: *«Разве я не могу жить без него?»* [6, с. 818]. Вопрос звучит как попытка представить альтернативу

зависимости, однако повествование показывает, что рациональная возможность ещё не означает эмоциональной осуществимости.

Оба финала показывают предел индивидуальных возможностей в ситуации, когда внутреннее противоречие уже не преобразуется в осмысленное действие. Но финалы не тождественны: Флобер завершает историю Эммы в контексте разоблачения провинциального мира и его самодовольных ценностей; Толстой помещает трагедию Анны в широкий роман о семье, нравственном поиске, вере, труде и возможности иной формы жизни. Судьба Анны не исчерпывает смысл всего романа, тогда как судьба Эммы тесно связана с сатирическим устройством изображённого общества.

Обсуждение

Сопоставление позволяет уточнить понятие духовного кризиса применительно к реалистическому роману. В обоих произведениях он не сводится к несчастной любви и не объясняется только давлением обстоятельств. Кризис возникает на пересечении внутреннего желания, социальных ожиданий и способов, которыми героиня понимает собственную жизнь. Его художественная убедительность обеспечивается постепенной перестройкой восприятия, повторением мотивов, изменением речевых интонаций и композиционным сужением возможного будущего.

Важным результатом является различение двух моделей внутреннего конфликта. Эмма Бовари ориентируется на воображаемый идеал, сформированный литературными и социальными шаблонами. Её кризис демонстрирует, как заимствованная модель желания подменяет самостоятельное понимание себя. Анна Каренина находится в поле реального и глубоко переживаемого нравственного противоречия. Она пытается совместить любовь, материнство, чувство вины и стремление к личной свободе, которые в её ситуации оказываются несовместимыми. Противопоставление не следует абсолютизировать. У Эммы есть подлинная неудовлетворённость ограниченной жизнью, а её зависимость от культурных клише не отменяет способности страдать. У Анны, в свою очередь, присутствуют самообман, ревность и попытки эмоционально контролировать Вронского. Сравнительно-типологический метод продуктивен именно тогда, когда позволяет удерживать сходство без стирания различий.

Повествовательная форма является частью авторской интерпретации личности. У Толстого подвижность внутреннего монолога помогает выявить неустойчивость сознания Анны и нравственную сложность её положения. У Флобера несобственно-прямая речь создаёт двойную перспективу: читатель приближается к сознанию Эммы и в то же время замечает ограниченность языка, которым она описывает ожидания. Следовательно, психологизм следует изучать не как набор приёмов, а как принцип организации художественного смысла. Эти наблюдения соотносятся с литературоведческими исследованиями Толстого и Флобера, в которых внимание уделяется художественной форме, авторской позиции и исторической обусловленности романа. Работы Б. М. Эйхенбаума о Толстом помогают рассматривать поэтику писателя в связи с эволюцией его художественного метода; исследования Б. Г. Реизова раскрывают роман Флобера в контексте французского реализма. Статьи В. М. Толмачёва и Н. А. Литвиненко дополнительно подчёркивают, что образ Эммы не может быть объяснён прямым отождествлением авторской позиции и сознания персонажа.

Заключение

Сравнительно-типологический анализ «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и «Госпожи Бовари» Г. Флобера выявляет общую основу духовного кризиса героинь: разрыв между желаемой и действительной жизнью, зависимость самоощущения от любовных отношений, давление социальных норм и постепенное сужение представления о будущем. В обоих романах трагедия развивается постепенно и художественно мотивируется через систему повторяющихся переживаний, мотивов и ситуаций.

Анна Каренина и Эмма Бовари не являются тождественными типами. Эмма ищет счастье в романтизированных сценариях, усвоенных из культуры и перенесённых в повседневность. Её кризис обнаруживает разрыв между воображаемым идеалом и реальным миром, а также зависимость от внешних знаков благополучия. Анна переживает более явно осознанный конфликт между личным чувством, материнской любовью, нравственным самосознанием и общественным осуждением. Её трагедия обусловлена не только социальной изоляцией, но и невозможностью примирить значимые стороны собственной жизни.

Различие проявляется и в способах психологического изображения. Толстой строит образ Анны через динамику внутреннего монолога и движение самоанализа. Флобер использует несобственно-прямую речь, иронию и предметную деталь, позволяющие одновременно приблизиться к сознанию Эммы и выявить ограниченность его языка. В обоих случаях форма повествования не просто передаёт готовое психологическое содержание, а участвует в его создании. Следовательно, художественное воплощение духовного кризиса в двух романах демонстрирует разные возможности реалистической поэтики. Толстой раскрывает трагедию личности через нравственную и психологическую противоречивость сознания, а Флобер – через столкновение индивидуального желания с культурными клише и социальной средой. Сочетание типологического сходства и художественной несводимости образов делает сопоставление Анны Карениной и Эммы Бовари продуктивным для дальнейшего литературоведческого исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Кадымова Д. Р., Ибрагимова Э. О. Роль женщины и её судьба в произведениях Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Г. Флобера «Госпожа Бовари» // Axborotnoma. – 2023.
2. Литвиненко Н. А. Роман Г. Флобера «Госпожа Бовари»: горизонты эстетических трансформаций // Литературоведческий журнал. – 2021.
3. Науменко О., Ершов В. О. История создания романов «Анна Каренина» и «Госпожа Бовари»: эстетические взгляды писателей // Полілог. – 2014. – № 2. – С. 59–62.
4. Реизов Б. Г. Творчество Флобера. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 524 с.
5. Толмачёв В. М. О рассказчике в романе «Госпожа Бовари» // Литературоведческий журнал. – 2021.
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман в восьми частях. – М.: Художественная литература, 1985. – 766 с.
7. Флобер Г. Госпожа Бовари: роман / пер. с фр. Н. М. Любимова. – М.: АСТ, 2021. – 352 с.
8. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: семидесятые годы. – Л.: Художественная литература, 1974. – 359 с.